

Августин

Итак, скажи: заставила ли тебя бедность терпеть голод, или жажду, или холод?

Франциск

Моя судьба пока еще не доходила до такой свирепости.

Августин

А сколь многие терпят эти лишения изо дня в день!

Франциск

Употреби другое лекарство, если можешь, ибо это мне не помогает. Я не из тех, кому среди собственных бед радость видеть вокруг себя полчище несчастных и плачущих, и подчас я скорблю о чужих страданиях не меньше, нежели о моих собственных.

Августин

И я не говорю о радости, но я хочу, чтобы это зрелище утешало человека и чтобы, видя чужие судьбы, он научился быть довольным своею. Ибо не могут все занимать первое место; иначе как же явится первый, если за ним не будет следовать второй? Вы, смертные, уже должны быть довольны, раз вы не доведены до крайности, раз из столь многих козней судьбы вы терпите только умеренные. Впрочем, и тем, кто несет тягчайшее бремя, можно помочь более острыми лекарствами; ты же в них совсем не нуждаешься, так как судьба обошлась с тобою не слишком сурово. Но вас ввергает в эти горести то, что каждый, забывая о своем жребии, мечтает занять первое место, так как – о чем я уже говорил – все не могут занимать это место, то за безуспешными попытками следует негодование. Если бы люди понимали, сколь тяготно высшее положение, они не домогались, а боялись бы его; это доказывается свидетельством тех, которые ценою великих усилий вознеслись на вершину почестей и которые вскоре начинали проклинать слишком легкое исполнение своих желаний. Эту истину должны были бы знать все, особенно ты, которому долгий опыт доказал, что высшее положение есть всегда трудная, тревожная и во всех отношениях жалкая доля. Отсюда следует, что нет такого положения, которое не давало бы повода к жалобам, потому что и достигшие желаемого, и потерпевшие неудачу одинаково предъявляют законные причины жаловаться: одни считают себя обманутыми, другие – несправедливо обойденными. Поэтому следуй совету Сенеки: "Видя, сколько человек тебя опередило, думай о том, сколько их остается позади тебя; если хочешь выказать себя благодарным по отношению к Богу и своей жизни, думай о том, сколь многих ты опередил", – и, как он говорит в том же месте, – "назначь себе границу, которой ты не мог бы переступить, даже если бы пожелал".

Франциск

Я давно уже указал моим желаниям определенную границу, если не ошибаюсь – весьма скромную, но наглость и бесстыдство моего века таковы, что скромность провозглашается тупостью и ленью.

Августин

Но могут ли нарушать твое душевное равновесие суждения толпы, которая никогда не судит верно, никогда не называет вещей правильными именами? Если память не обманывает меня, ты обыкновенно презирал их.

Франциск

Верь мне, я никогда не презирал их более, чем теперь. Мнению толпы обо мне я придаю не более важности, чем тому, что думает обо мне стадо животных/

Августин

Ну, то же?

Франциск

Мне обидно, что, хотя ни один из моих современников, каких я знаю, не питал более скромных желаний, никто не достигал своих целей с большим трудом. Что я точно никогда не домогался высокого положения, этому свидетельница та, что здесь присутствует, ибо она все видит и всегда читала в моей душе. Она знает, что каждый раз, когда я, по свойству человеческого ума, мысленно перебирал все общественные состояния, я на высших ступенях никогда не находил того покоя и той душевной ясности, которые, на мой взгляд, следует предпочесть всему другому, и что поэтому, гнушаясь жизни, исполненной забот и тревог, я всегда трезвой мыслью предпочитал скромное положение, не устами только, но душою одобряя слова Горация:

Кто умеренность золотую любит,

Верный выбрал дар: не в лачуге ветхой,